

Сага о маленькой Вене

Флоранс Хейман

Повернення пам'яті: сторінки єврейської історії Чернівців

Київ: Дух і літера, 2016. — 408 с.

Прочитай и окунись в атмосферу «маленькой Вены» XIX века. Именно эти слова хотелось бы вынести в эпитафию к книге Флоранс Хейман о еврейских Черновцах. Это, однако, невозможно. Поскольку перед нами не просто набор фактов и их анализ. Это книга-боль. Боль за родину, потерянное детство, погубленную юность, за уничтоженную старость, за поруганную память, за прерванную любовь. В то же время эта книга не о смерти, хотя ее здесь немало, а о жизни. О жизни города и людей, его населявших. В исторической науке это называют повседневной историей.

***Это книга о жизни города и людей,
его населявших. В исторической науке
это называют***

повседневной историей

Юрий Лотман как-то заметил, что повседневная бытовая среда сродни воздуху: человек замечает его, лишь если он портится или его не хватает. Один из основоположников истории повседневности Альф Людке так определил сферу ее интересов: «Она фокусируется на анализе поступков тех, кого называют маленькими, простыми, обычными людьми. ...Это детальное историческое описание зажиточных и обездоленных, одетых и голых, сытых и голодных, вражды и солидарности, а также душевных переживаний, воспоминаний, любви и ненависти, тревог и надежд на будущее». Именно об этом идет речь у Флоранс Хейман.

Бывают книги интересные, но пустые. Это не о «Поверненні пам'яті». Несмотря на несколько сумбурное начало, текст просто «проглатывается», страницы летят одна за одной. После прочтения книги хочется куда-то бежать, что-то делать, поделиться мыслями. Мысленно ты с «героями» произведения, но понимаешь, что все кончилось еще тогда — в 30-40 годы XX века. Чувствуешь их боль, как свою. Будто сам умирал в лагерях смерти, переплывал Днестр, ел мерзлую картошку, постный суп и закапывал, шепча молитву, тела своих единоверцев.

Евреи знают, что это значит — потерять все и начать строить новую жизнь на пустыре истории. Но это не *tabula rasa*, поскольку уцелевшие получили опыт выживания, сохранили память о смерти и понимают ценность человеческой жизни.

В первой части книги автор создает идеалистическую картину жизни европейского города в XIX веке. Основное внимание уделяется еврейскому меньшинству, составлявшему треть населения Черновцов. Объясняется также верность евреев немецкому языку, анализируются межэтнические отношения. «Так, — пишет Рут Т., — на Герренгассе можно было увидеть настоящих евреек, прекрасных, как Эстер или Юдит, женщин, похожих на героинь графики Бердслея, с кожей, достойной кисти Энгра, там можно было разглядеть молочно-белых полек с лицами кошек, с маленькими жадными губами, пламенеющих страстью; встретить армянок с миндалевидными глазами и прекрасными гладкими шеями, они прохаживались гордо и

неспешно; здесь были и румынки, свежие, словно налитые соком яблоки, чьи темные юбки играли тенями и словно манили обещаниями». Евреи, кстати, не всегда толерантно относились к соседям. Рита М. вспоминает: «В лицее у меня были очень хорошие подружки-нееврейки. Когда они приходили ко мне, мама была недовольна: «Тебе что, еврейских подружек не хватает? Зачем приводишь к нам христианок?»».

Вторая часть погружает нас в повседневность еврейского города. Читая эти строки, словно ощущаешь себя в Черновцах конца XIX — начала XX века, где более 50% преподавателей университета, 58% врачей и 76% адвокатов были евреями. Ощущение это усиливается стихами Розы Ауслендер и Пауля Целана, свидетельствами современников о приготовлении пищи в еврейских семьях, отдыхе на реке Прут, отношении к религии, языку, политике. А над всем этим витает стойкий аромат маминого розового варенья ...

Более 50% преподавателей Черновицкого университета, 58% врачей города и 76% адвокатов были евреями

В третьей части нас ввергают в ураган, разрушающий судьбы, убивающий и уничтожающий, — читатель прикасается к трагедии, разыгравшейся в Европе и задевшей своим черным крылом буковинский городок Черновцы... После создания Черновицкого гетто туда приходили украинцы и приносили еду. «Те, кто имел доброе сердце, давали нам поесть просто так, — свидетельствует Йозеф Р. — Другие имели с этого выгоду. Они обменивали хлеб на костюм. Целые караваны прибывали в гетто, чтобы выменять наше последнее добро на кусок хлеба, горшок супа, кавал сыра». Одним из излюбленных румынскими жандармами методов убийств была команда «Вражеские самолеты», означавшая, что солдаты могут стрелять в несчастных, распластавшихся на земле. Другой метод убийства состоял в симуляции атаки на охранников. Один из жандармов восклицал: «Вражеская атака», а остальные открывали огонь. Немецкие же солдаты заставляли евреев залезать в большую бочку, в которой торчали двадцатисантиметровые гвозди,

а затем скатывали ее вниз, к воде, двести или триста метров. Крики людей и дорога, забрызганная кровью, производили ужасное впечатление».

Еврейский национальный дом, Черновцы, открытка нач. XX века

В четвертой части проводится параллель между Черновцами старыми и современными. Это ностальгия по тому, чего уж не вернуть, и надежда, что трагедия в этом замечательном городе больше не повторится.

Город Розы Ауслендер и Пауля Целана остался лишь в воспоминаниях. На Герренгассе уже не встретишь элегантных дам, выгуливающих своих маленьких собачек, здесь ходят обычные домохозяйки, выстраивающиеся в очередь за мясом или колбасой. И только плющ продолжает карабкаться вверх столетними фасадами...

Андрей Бородий, специально для «Хадашот»